

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Роман
Шабанов

Страх

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Роман Шабанов

Страх

«ФТМ»

Шабанов Р. В.

Страх / Р. В. Шабанов — «ФТМ», — (Библиотека драматургии
Агентства ФТМ)

История одного недоразумения глазами жильцов одного дома. Неожиданный взрыв сломанного счетчика приводит к тому, что подвернувшегося курьера подозревают в терроризме, дед меняет религию, а молодая пара пересматривает свои отношения.

© Шабанов Р. В.

© ФТМ

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Сцена 1	6
Сцена 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Роман Шабанов

Страх

*(пьеса с моно- и стереозвучанием
о том, что точно есть в каждом)
(Время бояться)*

Страх происходит от неизвестности.

Человек.

*Людям свойственно во время страха произносить что-то
неопределенное.*

Человек-2

Действующие лица

Агент
Дед
Девочка
Мама
Студент
Электрик
Папа
Писака

Действие первое

Сцена 1

Агент, парень 20-25 лет, в костюме, поглаженном небрежно, застыл у двери.

Агент. Пачиму не открывают? Сколько ходил. Вокруг и рядом. Коврик чистый здесь. Кто-то плюнул. Кровь. «Убирайтесь...» Мне не страшно. Орган, отвечающий за страх, умер. Сразу. Его убил, отрезал мой дядя. Батя держал, а дядя Мунир щелк. И рот прикрыл, я как вцеплюсь зубами. Смотрю, а у него кошачьи глаза. Когда убивают что-то, то глаза кошачьи. Фу, на... язык обжег. Блин-лепешка. Мусор-табак. Не надо курить. Не надо пить, не надо женщин. Все надо, только папка не хочет, чтобы я тут нашел дэвушку, мэстную, дал ей руку с сердцем и взял в ипотеку три комнаты, чтобы пять детей в одной, пять в другой. Он говорит, что в городе нет жизни, тут постоянно убивают, гремят взрывы и гречка повышается. Сколько у нас гречки. Идут. *(Встает, приглаживает волосы, папка падает, бумаги летят.)* А, блин-лепешка! Нэ сюда. Пачиму так: договариваешься, говорят, приезжайте, будет хлеб-соль, а вместо теперь не смогу есть горячий, ни холодный. Вкус пропадает, когда язык. Такой маленький орган. Вот бы всем отрезать. Идут. *(Повторяет процедуру «я в порядке, моя жизнь удалась», на этот раз подхватывает папку с бумагами, улыбается.)* Болики-лелики жрали анаболики. Рывка-тяфка-бяфка. Зубастый зубодрот зубами зубоскалил зубатку. Трамвай травил транжиру. Нет. Еще пять минут и ухожу. На обед. Хотя какой обед с таким языком. *(Хочет спуститься, но что-то его останавливает, возвращается.)*

Паспорта нэт. Полики застали. На третий день. В кармане нашли бумажку с рекламой. А там краска, она просыпалась. Что за порошок? Какой порошок, это же реклама. Он напоминает Блюхера. Какого нахер Блюхера? Отняли. Порвали на глазах. В нос засунули три страницы, чтобы не надо было доставать. За унижение весь род выжигают. Я понимаю. Но тут работа, звониль же, обещали. Менять не могу, не берут. Да и не могу тяжелое. У меня операция на спину. Спица в спине.

Проверка, кто ты, что ты есть, а это подделка, вымогают. Комендантский час круглосуточный. Хоть маску одевай и ходи. Маску зайца один нацепил и ходил. Хотел доказать что-то. Не похож на других. А что мне доказывать. Мне бы просто идти на работу, трамвай, метро, читать газету, магазин и музей третий выходной месяца. И чтобы соседи не смотрели как на террориста. Они же... да я знаю, что они думают, раз борода, глаза, темная кожа... да я и бороду сбрил. Но кожу-то не сбреешь.

Щиток искрит. Умный, блин. Как будто живой. Искрит, значит, недоволен что-то. Они знают, что он не доволен или нет. Может быть, он искрит, когда никого нет. Я же здесь никто. И в паспорте моем, даже если бы он был, в графе «национальность» черным: «Никто».

Лестничный пролет. У окна. На подоконнике старый высохший цветок с торчащими из земли бычками.

Дед. Шастают. Пакет с мусором оставили. Стекло. Бычки. Трофей. Пальто с оторванными карманами. Пропитали отравой, чтобы выжить. Одел, а другой смеется. Не возьмешь. Я хоть и в 47-м родился, не значит, что войны не знал. Война у меня в кишках во всю длину. Если надо, зубами стрелять буду. Они у меня крепче камня. Не люблю этих тихих со спортивным одеколоном. Бормочут с затычками в ушах, портят все. Для меня покурить – не в сортир сходить. Я, может быть, отдыхаю. От дома. От стен, от пирогов, гнилого пола. Смотрю в окно, а там стар... пидо... я не могу. Слепну, хорошо? Но пока вижу, как срут.

Моей старухе повезло. Споткнулась. Три ступеньки, и наутро поминки с пирогами и водкой за семьдесят девять. Ничего не боялась. Все к соседям. Хлоп по шее. Долг! Хлоп. Зали-

вают! Хлоп. Юбилей троюродной тетушки. Хлоп, хлоп. Дохлопалась. Тяжелая у нее рука. По два пакета носила. Если бы я с вечера сходил, так она же сама. В доме есть четкое распределение обязанностей. Она в магазин, я рыбу жарю. Она цветы поливает, я кормлю Жмурика. Она умерла, а я...

В следующей жизни ты либо таракан, либо кран с кирпичами на одну квартиру. Жизнь подставляет капканы, и как бы ты ни юлил, ни светил, ни катеринил. А монах у метро свистит, вы готовы к смерти, участвовали в игре Пит-стоп. Лототрон. Цветы России. 10 роз за 199. Маленькие, как женский орган опоссума. Там у метро много. Иногда пролетаешь, шлешь, чтобы не липли, а вчера послушал. Либо ракушка, либо переваренная картошка. Все от жизни зависит. Но то, что мы не гнием в земле, это точно.

Вытащил ее, донес до дома, она мне показывает что-то. Я не пойму. Вот, думаю, была бы она в порядке, я бы махнул рукой, а тут она еле дышит. Язык высунула, а он такой шершавый. И вспомнил, как кусал его. А она мне продолжает что-то говорить. А я все на язык. Разобрал. Грит, боюсь. Передо мной караси с порванными губами, как она чистит их, а она боюсь.

Счетчик проявляет признаки жизни.

Не напугаешь. У меня война в кишках, могу зубами стрелять.

Сильнее.

Пойду. Насмотрелся на эти возгласы. От них только нехорошие мысли. А мне этого не желательно.

Квартира, в которой живут мама, папа и девочка, лет под двадцать. Девочка стоит у окна.

Девочка. Мама... мама... папа. Пока. Мама садится, папа протирает стекло, мама сигналит. Скучняги. Сдаст назад больше, чем надо, едва не задевает соседскую «Шевролеуху». Вот тупики, сейчас бы попали на несколько штук. Вы что, меня без кафешек оставить хотите?! Блин, приходится зависеть от папика и мамика. Так бы посидеть помечтать, куда бы, а потом открыть сейф, взять сколько нужно и тратить, пока не закончатся, а потом повторить. И это нормально. Родичи должны обеспечить это. К сорокетнику-то можно успеть. Пока-пока. Это он тебя пропустить должен. Нахрена кому нужна эта деликатность. Ну и что... а, конечно, давай пропускать всех. Сейчас час пик, народ поперет из метро, поджидай. Я так и слышу, что мамка тебя сверлит. Лобзиком по лобику.

Угораздило меня родиться тут. Страшно, что ждет меня с такими родаками. Ни хорошего универа, ни нормального туротдыха. Так, прозябать по жизни в дисконте. Комната, где кровать и тумба. Ну, мама. Нужно про духовность. Мама со мной согласна, но ей простительно, женщина. Есть другие мужики. Но она их в упор не видит. Все женщины боятся менять. Появился один. *(Берет трубку, звонит, но, по всей видимости, на той стороне никто не отвечает.)*

Как же меня затрахали... никаких розеток, никаких... все закрыто, в шкафу, однажды зарядить телефон не могла, ну нет. Пришлось холодильник отключать, там он еще не успел. Помешались на безопасности. Не ходи. Оголенные провода. Да их в нашем районе... Только проку от них никакого. Может, свечками пользоваться будем или, блин, лучинами? *(Отворачивается от окна.)* Сейчас бы щелкнуть пальцами, и оказаться на острове, чтобы вокруг мороженое таяло. *(Звонок в дверь, осторожно подходит к двери, смотрит в глазок.)* Бля... кто это? Айзер. Не буду открывать всякому отродью. За хлебом пришел? Или за моей головой... Топчется, волнуется. Может, позвонить кому? *(Звонок повторяется. Вздрагивает.)* Ушел. Вот дебил. Сейчас все такие. Что ни парень, то дебил. *(Берет мобильник.)* Привет, тупица. Хочу сказать тебе, что ты самый тупой парень в этом доме. Ты меня не знаешь. И не думай. Вот дебил. Подожди. Слушай, приходи, да никого. Всякие звонят. У меня кальян есть. И еще кое-что. Только возьми, ну ты меня понял. Чтобы безопасно было. *(Передергивается.)* Блин!

Подъезд. Студент колошматит стенку. Заметны следы крови.

Студент. На, бля, на... В печень, в крестец, хрясь, в солнышко, на... Вот бульба, лежит, ноги на весь вагон, рот открыт, а на языке желтый налет. Сука. Не продохнуть. *(Входит в подъезд, вбегает по лестнице, застывает у почтовых ящиков.)* Этих айзеров надо мять, как картофан. У меня заповедь – по одному в неделю. У китаезы с рекламой глаза как яйца гиббона. Он: «Извините, я только положу, и все». Нет, не все. На, мать. Бл... достали. В Саратове дом подорвал один из этих узких. Смотрю, вьется один. Щиток разглядывает. Ты че, потрох, страх потерял? Я тебе помогу его найти. Понюхай пальчики. Мечтаешь сравнять все с землей, верблюдов пустынный? В загон, газку, и вперед, читай аллах акбар.

Не было же. В детстве песком в глаза, и не выходит. В садике игрушку отнял, чай на колени, все, прячется по углам. А теперь осмелели. Им что чай, что песок, на три сидения лягут, поставят свои сумки «кэмел», покоцанные, как лица, из кармана «Работа для вас» и рекламные листовки. *(Скидывает листовки, что лежат сверху на почтовых ящиках.)* Стоит черный, алжирец. Приглашает лечить зубы. Я бы ему в зубы. А что, Алжир тоже не дружеская страна. Они нам сахар должны. Пусть не выпускают своих. Они воздух портят.

Что за шум? Газеты, письма просят наружу. *(Ударом руки открывает, подкидывает.)* Что пишут? Сдохли, упали, нарвались. Писаки, вот бы одного тоже подорвать. А то, блин, ничего путного. На лекциях скучняга. Препы луна-парк городят. Кого колышет, что они говорят. Кого колышет? Молчание не золото, а остров в Карибском море. Сейчас все заочно учатся. Сидишь и читаешь с планшета. Через год магистр всех наук. А тут смотришь на эту утопию в потертых штанах и складки на физии и думаешь: «Бля... они же тоже когда-то девок портили». А наши девки сидят и ничего не думают. Пишут про то, что мир рушится, евро растет, и все боятся скупать их. Вдруг без всего, а многие не столичники, приехали из Йошкар-Олы. Они и правда целый месяц могут картошку жрать. *(Звонит телефон. Одновременно.)*

Да. Ага. Ты стерва. Ты сука. Что делаю? Провожу ревизию. Иду. Чего? Боишься? Будем вместе трястись.

Щиток искрит, из него вырывается неожиданный вздох. Легкая трель проносится и тут же затихает.

У лифта. Появляется Мама. Она явно не в себе, освобождает шарф, нащупывает кнопку лифта.

Мама. Я не могу. У меня... Они там. Я вхожу, а они... Это же... Я не знаю. Я не могу. Они там на моей... Они же дети. А они... и ничего. Я к ним, они... мое одеяло на полу, и грохот, я от них, потом думаю, сейчас же папка придет. И тогда. Взрыв. Маленький, но тем не менее. Я уже три взрыва пережила. Это... что мне с этим? *(Достает из сумки телефон, звонит.)* Возьми, тьяпка. Когда нужно, не слышит. *(Нервно бросает телефон в сумку.)* Дед стоит. Парень ходит. Я как будто не у себя дома. *(Прикуривает от счетчика.)* Конечно, давно мечтаю переехать. Уже спать не могу. Все скрипит, соседи сверлят. Да в этом доме дырок как после обстрела. Редкий сохранившийся дом, который не успели немцы свалить. Стоит, звенит всеми костями. Жалуеться. Но моему нравится, да и дочь устроила хай: «Не перееду. У меня тут друзья. Привыкать к школе? Вот доучусь. Посмотрим». Послушала. Доучивается. Последний год. Доучивает ее этот... а кто это был? Я его знаю? Оставила с этим, чтобы они... Не могла же я им помешать. Говорят, что от этого можно нарушить, как у нее, так и у него. Потом начались бы проблемы, а так, а так... я не знаю. Я-то понимаю, что она уже выросла. Читает «Пятьдесят оттенков», листает «Космо», да и каналы не с мультиками смотрит. А там учат. Позам, и натуральнее, чем в книжке. Я уж и соседа попросила, он разбирается, чтобы только нормальные каналы, без порно и глупостей, он пришел, сделал, так она подошла: «Мам, ты че? Ты реально запрещаешь мне смотреть телик? Я что, шибзик, чтобы меня ограничивать? Ты знаешь, что бывает с теми, которых ограничивают родители?» И начала, начала. Больше мы к этому не возвращались. Да, пришлось включить. А как она поносит то, что мы смотрим. Вы че, про зеков смотрите. Вам че, скучно? Да не то чтобы. Просто когда смотришь про зеков, то

понимаешь, что те... ну, не сильно от нас отличаются, и тогда так страшно становится. А она: «Мама, ты уже на пенсию, а тянет к развитию». Все, финиш.

И тяфка хоть бы как-то повлиял на нее. Но нет. Он только и делает, что говорит, говорит, а что говорит... непонятно. Про конец света, про волны. Зачем? Кому ты это? Откуда? Почему все люди такие разные? Есть же нормальные. Что случилось со мной, почему я выбрала именно его? Конечно, я тоже не сахар. Сошлась с ним после того как узнала, что у него должность и квартира. Надоело жить на Алтушке и на автобусе ездить. Да я бы с безногим старпером сошлась, только бы не в комнате с тремя дурами, трюндящими про Москву, как в «Слезях». Москва – это лотерея. Вот я и вытянула. (*Щиток реагирует.*) Да чтоб тебя! Все, надо ехать. От этого дома, студентов. Мне плевать, что думает дочь. Если во всем ей потакать, то...

Из лифта выходит Электрик, за ним Папа.

Мама. Назад!

Папа. Я машину поставил. Там, где нужно...

Мама. Назад!

Папа. Не понимаю.

Мама. Меня надо слушать!

Мама и Папа входят (влетают) в лифт.

Электрик. Ну надо же! Забыл инструмент. Где же я его оставил? Дома. Шефа с Кларой выгуливал, потом чайник поставил, выключил я его или нет? Выключил, наверное. Первый этаж, чего там. Если что – спустился, потушил. Ничего, обойдусь. У меня же громадный опыт. С закрытыми глазами. (*Вытаскивает складной нож.*) И все. (*Ковыряется.*) Страдает дом. А это значит, все тут страдают. У меня болит сердце, и ничего нельзя сделать. Щиток – это сердце этого дома. И тоже ничего нельзя сделать. Я, конечно, попытаюсь.

Некоторое время он ковыряется складным ножом, снап искр вырывается.

Да, это не ВГИК. Рубильники выключать. Все, баста. Гасите свет. Домой. Да, я добрый. Позволял им лишний час посидеть. Постоять. Не знаю, где все, но меня уважали. Без меня они пустое место. Я почти что самый главный. Выше ректора. Что он может по сравнению со мной? Я – проводник, он – так... Кино – это хорошо. Я обязательно после работы один фильм. Кофе пью, чтобы не спать, окно открываю. Вот такой принцип. Хожу на Горбушку каждую неделю. Девять в одном. Все уже скачивают, так мне хочется, чтобы все с душой было. Зашел, выбрал, потрогал, купил. Обмениваю. Там у меня друг уже появился. Черный, студент. Миша. Мика. Он там на оператора учился, так я и приучился к хорошему. А то раньше все подряд. Не важно, что. Тык, и пошла вся эта срань, а так хорошо, и Шеф с Кларой поспокойнее. Но я ушел оттуда. Так это две пересадки, а тут в лифт вошел и все. Правда, учиться нечему. Говоришь с собой. Все пробегают мимо. Смотрят на тебя и торопят: «Мне на работу», «Мне в магазин», «Мне...»

А мне не надо. У меня собаки. Хорошо, что они рядом. Быстро выгулял, и сюда. Недавно был у этих. Там розетка вывернута. Мужик боится тока. Разве нормально? Мне кажется, что я могу лечь в ванную, забросать ее электроприборами, и мне ничего не будет, потому что у меня ток в крови. Так и вижу, как врачаха в поликлинике, вбирая кровь в стеклянную трубочку, говорит: «У вас слишком много электроцитов...» А я «Епти, конечно, я же с током на ти». Я со всеми на ти.

Живу в гостевом браке. Это такой брак, когда жена и муж живут по отдельности. Но так решили: я здесь, а она в Новой Москве, у нее там поликлиника, магазины, мама. Это у меня только две собаки. Шеф ризеншнауцер и Клара такса. Шеф носится, а Клара его успокаивает. А Юлька собак не переносит. Говорит, что от них грязь и волосы. Да, но еще и другое тоже. Я-то с ними с детства. Точнее, с другими, но их тоже так звали. По мне, если животное уходит из жизни, то нужно найти животное той же породы и назвать его по-своему. К людям это тоже относится. Правда, найти человека с тем же именем и породой сложнее.

Катерина – моя радость. Раз в неделю у них. Собак кормлю до отвала и оставляю, а что делать? Конечно, когда возвращаюсь, такое... один раз диван изгрызли. Пружины торчат. В другой раз на меня набросились. С ног свалили. Но потом как-то привыкли. Подстроились. Прихожу, следов не так много, лежат, скулят. Конечно, надо бы съезжаться. Не всю же жизнь. Пока Катька маленькая, ладно. Ради нее на все... (*Закрывает крышку.*) Только страшно, что тока не боюсь, ничего не боюсь, а этого... (*Нажимает на кнопку, машет рукой, идет к лестнице.*)

Папа выходит из лифта. Щиток искрит. Папа вздрагивает, отходит. Дрожащим пальцем указывает на щиток.

Папа. Ненавижу. Мне кажется, что от него тоже можно разряд получить. (*Морщится.*) Я-то понимаю, что он попросту пьян, но почему чем опаснее профессия, тем человек более вызывающе выглядит. Запах, одежда, все в нем кричит о том, что «я не простой служащий, у меня за пазухой нож и завещание в трех экземплярах». Я же не кричу, чем занимаюсь. И никогда не стану этого делать. А вдруг чего... потом кто за это ответит? Все же равнодушные. Никому нет дела. Я бы поговорил с ним, но как... Самое сложное начать. Я начну или он? Он работает, то есть на своем месте, а я вроде как иду мимо. Приходил, конечно, недавно, чинил, смотрел на меня так, как будто я не только не могу розетку делать, но и другое тоже не в состоянии... Конечно, для него все с позиции своей работы – если не шарю, бесполезный. Да могу я. И машина у меня есть, и готовлю я неплохо. Только это. И здесь я тоже могу объяснить.

Магнитная волна передается в секунды. Без света на самом деле просто остаться. Такая штука, как бомба, и мы в каменном веке. За сколько дней Москва утонет в собственном дерьме? Никто не понимает. Я им лозунги, а они: «не лезь, куда не следует». Такое ощущение, что для них это выгодно, вот так вот, наверняка бункеры понаделали и дорогу в райские кущи. А все остальные – под сокращение? (*Искрит.*) Так и не починил. Чего делал? Завтра проснемся, и всё... плаваем.

Я своих учу, что нужно все делать так, на сто процентов, чтобы ты мог то же самое повторить, не лучше, а точно так. Не починил, не досказал, не докрутил и упал, повесился, все только потому, что не хватило вот этого недо... И не трудно же. Просто посчитал, что если суждено сгореть, то сгорит, и ничего ему уже не поможет. Врачи так же думают. И не больно борются. А зачем? Если он сам просит.

Моя втащила меня в лифт. Мол, сейчас не нужно входить туда. А что там? Тебе не нужно этого знать. Но как же не нужно? Говори, раз начала. Я-то лучше знаю, говорит. Так и не узнал. Но я уже привык, что она там говорит, думает... не знаю. Не посвящает. Дочка меня не признает. Как только каналы ей все отключили, так она такое учудила. Я уж и не лезу. Выросла. Пусть мать воспитывает. У меня хватает отпрысков. Знаю, что Юлька не любит меня. А зачем любить, лишь бы понимала. А она и слушать не хочет. Я исписал кучи тетрадей, говорил с ней, что хочу встретиться с замминистра по обороне. Потому что это всех касается. Земля изрыта. Там метро, дигтеры с фонариками – земля еле дышит. Ее скоро вывернет, только это будет точно не смешно. Кому объяснить? Хотел этому электрику, так он от меня бегаёт. Дед тоже не верит ничему. Мне кажется, что только студенты, да и они смотрят на меня как на Лукьяненко. Ночной дозор. Но я же вам про другое говорю. Что земле хана, если не починить этот дом, не прекратить спать во время обеда и думать о том, сколько денег в кармане у Вовки Курехина. Но я не могу чинить – есть электрик, и спать тоже не могу, на лекциях не поспишь, а Вовка Курехин давно спился и лежит на глубине двух метров, и завидовать, значит, некому. Я в растерянности.

Сцена 2

Агент и Мама.

Агент спускается по лестнице, замечает Маму, которая заметно нервничает.

Мама. Вы кто?

Агент. Крутые лестницы, как в горах.

Мама. Чего нестись?

Агент. Сам думаю, чего я несусь? Упасть всегда успею.

Мама. Ну, конечно, если надо, неситесь.

Агент. Спасибо, могу и постоять.

Мама. За что спасибо?

Агент. Меня отец учил говорить «спасибо» вперед.

Мама. Вперед чего?

Агент. Перед тем...

Мама. Перед чем?

Агент. Перед тем, как что-то хочешь от человека.

Мама (*настороженно*). Ты что-то от меня хочешь?

Агент. Нет.

Мама. Тогда зачем?

Агент. И правда. Иногда «спасибо» вылетает без причины. Мне кажется, что можно заменить чем-то другим, но, наблюдая реакцию, это самое верное.

Мама. Без причины? Верное? Наблюдая? Ты хоть сам понимаешь, что говоришь?

Агент. А зачем? Главное, чтобы вы меня понимали.

Мама. В том-то и дело, что я тебя не понимаю. Остановился чего-то. Я тебя не знаю, чего тебе здесь надо? Треться. Че тебе надо?

Агент. Вы мне сказали остановиться, я встал.

Мама. А теперь я тебе говорю, двигай вперед.

Агент. Зачем вы так со мной грубо? Я же вам не грубил.

Мама (*истерично, переходя на крик*). Вали, говорю. Ты че, не слышал? Я щас позову кого надо, тебя отправят.

Агент (*пытаясь быть спокойным*). Я пришел на вызов, мне не открыли, теперь вы еще.

Мама. Мне насрать, что у тебя там случилось, просто спустился и вышел! Я сказала!

Агент. Я уйду, конечно, только пачиму таким образом...

Мама. Пшел вон!

Агент. Пачиму вы так со мной?

Мама. Не хочешь уходить. Держись, сука. (*Набирает номер.*)

Агент (*ударяет по руке*). Зачем?

Мама. Ах ты тварь! (*Хватает за волосы.*)

Агент. Женщина не должна так себя вести.

Мама. Слушай, мудила, что я должна тебе. (*Бьет в пах.*)

С нижней площадки выходит Студент.

Студент. Добрый вечер, Маргарет Тэтчер.

Дед и Девочка.

Дед стоит перед дверью. Звонит.

Девочка. Да.

Дед. Можно я войду?

Девочка. Допустим.

Дед входит, топчется.

Ты че, насиловать меня будешь? Мне уже кричать? Или подождать, пока ты спустишь штаны?

Дед. Я...

Девочка. Ты старый, мне еще далеко. Ты уже не можешь, я только вхожу во вкус. Продолжим?

Дед. Мне нужно с тобой поговорить.

Девочка. Тебе? Со мной? Ты ничего не попутал?

Дед. Ничего.

Девочка. Тебе к соседке. Ей сто лет, она знает, что таким нужно.

Дед. Нет, я слышал, что твоя мама...

Девочка. Любит папу. А папа не любит никого, потому что он любит соседку со второго этажа. У нее грудь больше.

Дед. Нет, я...

Девочка. Ты че, думаешь, что я не понимаю, чего ты пришел? Моя родительница наплела про меня, мятую кровать и решила попросить участника ВОВ отодрать меня в хорошем смысле. Или, по-вашему, это в плохом?

Дед. Я не воевал.

Девочка. Ты че, артист?

Дед. Нет.

Девочка. Только артисты не ходили. Тогда контуженый. Все, я поняла. Ты приверженец другой религии. Буддист. Или язычник какой. Хотя таких только в армию не берут, а на войне они тоже, как и все. С автоматом. Та-та.

Дед. Это ничего, что ты так шпаришь. Если обращать на все, что мы говорим, на воздух, то времени не останется на другое.

Девочка. Понятливый.

Дед. Главное – наши поступки. Запоминается то, что ты...

Девочка. Давай дневник. Будем считать, что на этом лекция по воспитанию растущей молодежи окончена.

Дед. Еще...

Девочка. Все! *(Закрывает дверь.)*

Дед. Все должно быть не сразу. Я со своей только через год после знакомства лег. И то не в первую ночь. В первую так умаялись. В нашем доме-то гости не расходились. И мы у тещи. А моя боялась, что мамка нас услышит. Вот и перенесли нашу брачную ночь на другой день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.